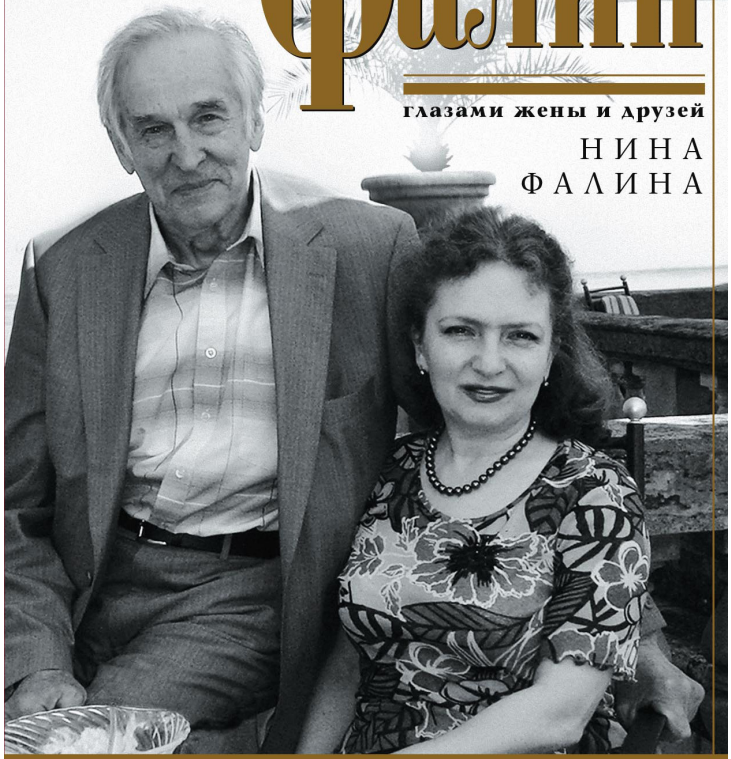
ВАЛЕНТИН ФАЛИН

глазами жены и друзей

НИНА ФАЛИНА



ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

Нина Андреевна Фалина
Валентин Фалин глазами жены и друзей

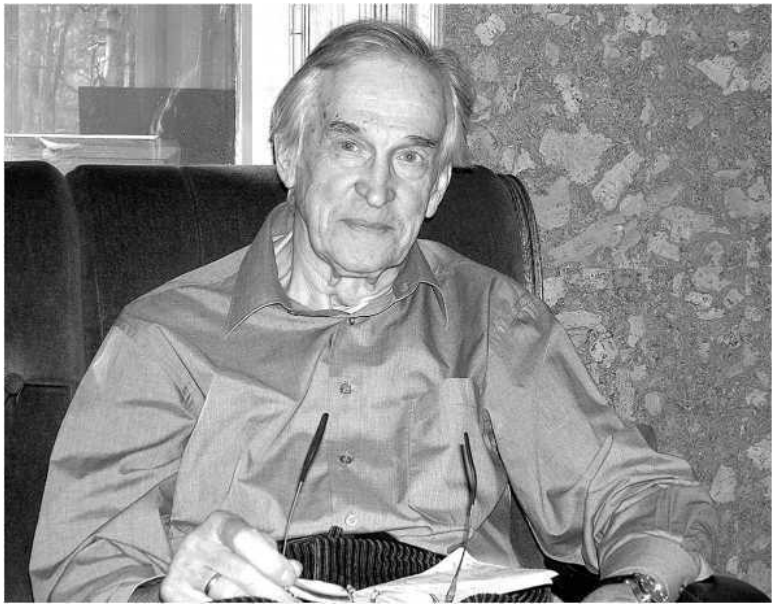
Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40213181
Валентин Фалин глазами жены и друзей. Подлинная история жизни и любви. / Фалина Н.А.: Центрполиграф; Москва; 2019
ISBN 978-5-227-07875-9

Аннотация

Валентин Михайлович Фалин не просто высокопоставленный функционер, он символ того самого ценного, что было у нас в советскую эпоху. Великий политик и дипломат, профессиональный аналитик, историк, знаток искусства, он излагал свою позицию одинаково прямо в любой аудитории – и в СМИ, и начальству, и в научном сообществе. Не юлил, не прятался за чужие спины, не менял своей позиции подобно флюгеру. Про таких как он говорят: «ушла эпоха». Но это не совсем так. Он был и остается в памяти людей той самой эпохой!. Эта книга памяти написана его женой Ниной Анатольевной и дополнена очерками близких друзей.

Содержание

Нина и Валентин 6
Конец ознакомительного фрагмента. 49



Нина Фалина
Валентин Фалин глазами жены и друзей. Подлинная история жизни и любви

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется

истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится… А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

Из Первого послания к коринфянам святого апостола Павла

Нина и Валентин

3 февраля 1992 года, не пережив невзгод, обрушившихся на сына, скончалась мать Валентина Фалина, моя свекровь. Беда постигла нас всего через две с половиной недели после того, как, распрощавшись с Москвой (кто знает, надолго ли?), мы вынуждены были приехать в Гамбург.

Раздавшийся поздно вечером здесь, в гамбургской квартире, телефонный звонок взволновал нас. Испытанный друг нелепо-трогательно пытался подготовить к трагическому известию. Из его невнятных фраз было ясно одно: произошло несчастье. С кем? Где? Что? Еще накануне мы разговаривали с домом – ничто не предвещало удара.

Друг так и не смог пересилить себя. Сказать правду выпало на долю моей мамы:

– Веры Васильевны сегодня не стало. У нее случился инсульт. Поддержи, пожалуйста, мужа и передай ему волю покойной – на похороны не приезжать.

Она умирала спокойно, устав от долгой, очень нелегкой жизни, многое повидав на своем веку. Последние ее мысли и заботы были о сыне:

– Валентину нельзя сюда приезжать. Ни в коем случае.

Словно исполнив долг, сомкнула глаза. Навсегда.

На свете нет никого роднее матери. Наше место рядом с нею в минуту прощания. Будь что будет, надо лететь в Москву. Но родственники и друзья, утешая, как могут, выражая соболезнования, просят подчинить чувства обстоятель-

ствам, уверяют, что все тяжкие хлопоты, связанные с похоронами, они примут на себя.

Я признательна им, видя перед собой разом посеревшего и осунувшегося Валентина. Очень боялась за его и без того перенапряженные нервы. Ночами напролет караулила каждый его вздох, зная, что он не может забыться хотя бы в недолгом сне.

Именно тогда возникла мысль написать книгу о моем муже, несправедливо оклеветанном на родине, чтобы люди узнали не только Фалина-политика, но и Фалина-челове-ка. Он многих спасал от произвола и неправедного гнева, в том числе и меня. Настал мой черед. Если те, кого он защищал когда-то и кто ныне на коне, молчат, значит, это должна сделать я.

Со временем мысль окрепла и обрела конкретные формы. Так возник слепок с истории нашей совместной жизни. Все, что здесь написано, – истинная правда, продиктованная сердцем.

Итак, начну. Валентин родился 3 апреля 1926 года в Ленинграде. Второй ребенок в семье, трех лет от роду был перевезен в Москву. Так его сделали москвичом, хотя душой он навсегда остался ленинградцем.

В неполных пять лет пристрастился к чтению: когда дома занимались со старшей сестрой, брат сидел напротив, наблюдал и запоминал. Хорошо, что не выучил алфавит пере-

вернутым. Стремлению к самообразованию, унаследованному от отца, благоприятствовало обширное и разнообразное по составу домашнее собрание книг. Правда, в библиотеке было относительно немного детских изданий. Отчасти сказки заменяли газеты, которые сын серьезно принялся тогда же читать изо дня в день вслед за отцом. Так ребенок окунулся во взрослую литературу с ее нешуточными проблемами.

Валя с отцом Михаилом Михайловичем

В шесть лет уже прилежно корпел за школьной партой. Школа располагалась в церковном храме, который, как и многие другие церкви, перестал в ту пору выполнять свое исконное назначение. Фрески, естественно, были забелены, иконы сняты. На их месте по светским праздникам вывешивались плакаты типа «15 лет царя нет». Но архитектура-то осталась. И это не могло не будить в сознании сомнение: как же так, своды одного здания одинаково вмещают и школу – светоч знаний, и церковь – «источник мракобесия».

По рассказам свекрови, Валентин вообще рано научился задавать серьезные, а порой и неудобные вопросы, на которые не каждый взрослый находил разумный ответ. Так, однажды прогулка с матерью завела его в усадьбу начала века. Все зеркала в вестибюле были разбиты. Такая же участь ожидала беломраморный фонтан, по которому нещадно колотили кувалдой.

– Зачем нужно это рушить?

– Здесь будет детский сад.

Четырехлетний Валентин никак не может понять, для чего уничтожать красоту, разве она помешает детям?

Повзрослев, позволял себе вопросы с более далекоидущим подтекстом. На семинарах по политэкономии в институте донимал доцента Тяпкина просьбой объяснить алогизм положения: деньги есть, а рынка нет.

Крепкая мужская дружба связала на десятилетия Валентина с двумя однокашниками (друзей уже нет в живых). Один, грузин по национальности, живет в Тбилиси. Честный человек, он бросил вызов коррупции. Мафия ответила угрозами извести под корень его семью. Сначала при невыясненных обстоятельствах погиб в дорожной катастрофе отец. Потом убили двоюродного брата. Сыну из охотничьего ружья выбили дробью глаза. Зарезали тещу, сожгли дом бабки. Во время трагического гражданского раскола Грузии мы потеряли его из виду. Что с ним, не умеющим угождать?

Другой друг – профессор-экономист. Знания и трезвость в суждениях побуждали его давать весьма пессимистические прогнозы развития Советского Союза и социалистического содружества лет за пять до их крушения. Увы, желающих прислушаться было мало.

Валя и Рэм Белоусов

С именем друга связана милая смешная история. Когда он родился, в моду вошли имена-аббревиатуры. Так появились Вилены (Владимир Ильич Ленин), Мэлоры (Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция) и другие. Мальчика назвали Рэм. Отправили на радостях телеграмму бабушке, жившей в другом городе:

– Сына назвали Рэм (Революция, Электрификация, Механизация).

Прочитав ее, старушка всплеснула руками:

– Батюшки, тройня!

Рэм стал для Валентина почти братом.

Природа была щедрой по отношению к Фалину. В семье

сохранился альбом с недурными рисунками, выполненными в мальчишеские годы. Учителя прочили ему карьеру ма~ тематика или биолога, другие – спортивную (Валентин успешно занимался боксом). А сестра известного русского графика Вадима Фалелеева подарила юному Фалину брошюру с добрыми пожеланиями «будущему государственному деятелю».

Терпению он научился тоже в детстве. Когда обижали или не понимали, его прибежищем становился широкий подоконник в коридоре, где он, насупленный, подолгу лепил из глины зверюшек. Любовь к братьям меньшим была свойственна семье. Валентин приносил их с улицы, бездомных и голодных. Кого только не перебывало в доме: кошки, собаки, птицы, белые мыши, ежи, черепахи, рыбки.

А однажды подобрал заблудившегося в городских лабиринтах филина. Грозная птица прожила у них с неделю, прежде чем ее устроили в зоопарк. В квартире собиралось порой до четырех видов животных кряду. Свекровь, пока могла двигаться, подкармливала кошек и голубей во дворе, а те знали ее и ждали. Теперь они тоже осиротели

К сожалению, в Москве и ее окрестностях сейчас (1992 г.) много брошенных животных. Трудно стало жить, продуктов мало и не укупишь. Человек отторгает, быть может, самых верных друзей, бросая их на произвол судьбы. Еще один показатель моральной деградации общества.

Объяснить можно все – но понять? Я вспоминаю рассказ

Валентина. На заводе, где он проработал всю войну, пожилой мужчина, получая голодной весной 1943 года «дополнительное питание» в виде крошечной котлетки, аккуратно делил ее на три части: жене, кошке и себе.

Дома нас ждут две собачки. Маленькие, преданные создания, они славно потрудились, лучше всяких врачей сглаживая нервные стрессы. Не в обиде ли они на нас за долгую разлуку?

Детство мужа кончилось рано. В 1937–1938 годах мать и дети каждую ночь ждали ареста отца (они чаще всего производились в темное время суток). Ждали и готовились к худшему. Особенно после того, как отец получил выговор по партийной линии за «недостаточную бдительность в разоблачении врагов народа». Сын помогал относить в котельную на сожжение книги преданных анафеме авторов. В огонь попали собрания сочинений Н. Бухарина, Л. Троцкого и многих других. Обошлось. Но с тех памятных лет Валентин ничего и никого не страшится: он «отбоялся на всю оставшуюся жизнь». А второй строгий выговор Михаил Михайлович «схлопотал» в Париже, будучи заместителем генерального секретаря Всемирной федерации профсоюзов. В доносе фигурировало, что он часто посещает книжные магазины. И это правда: у Вали осталось от отца редкое издание книги Плеханова «Год на Родине». У нас она не издавалась.

Вера Васильевна и Михаил Михайлович. 1947 г.

Жертвой репрессий стал муж сестры свекрови. Ученый, начальник строительства крупнейшего военного объекта под Хабаровском, на последнем свидании сказал жене, что, если и другим арестованным предъявлены аналогичные обвинения, значит, все они невиновны. Долгие годы никто не знал о трагической его участи. Осужден на десять лет «без права переписки». В 1948 году на запрос жены ответили – наказание продлено на пятнадцать лет «без права переписки». В действительности же, как выяснилось еще десять лет спустя, его вместе с другими политзаключенными вывезли на барже

на середину Амура и утопили в бездонной реке. А буквально на другой день поступило указание Сталина прекратить «перегибы», и оставшихся в живых по этому «делу» освободили.

Мать тайком помогала сестре с двумя малыми детьми. Все делали вид, что никто ничего не знает, потому что никто не должен был знать, кроме жены «врага народа», реабилитированного лишь после XX партсъезда.

ПРАВДА

Валя

Жизнь шла своим чередом, полная превратностей. Достаток, если о достатке вообще можно говорить, – минимальный. С пятнадцати лет Валентин сам кормил себя и помогал родителям.

Валентин

В шестнадцать лет на Урале в эвакуации вступил в комсомол. Работал на маленькой электростанции, на лесоповале, на строительстве овощехранилища, косил, жал, чинил – словом, делал все вместо ушедших на фронт взрослых. Вернувшись в Москву, стал отличным токарем-инструменталыщиком на военном заводе: работал по седьмому разряду. Однажды сказал мне, что вытачивал детали для заградительных аэростатов в небе над Москвой. Не раз получал травмы разной степени тяжести: регулярно из глаз специальным ланцетом врач вынимала абразивные частички, ведь защитных очков не было. Когда разгружали прибывшие из Америки станки, старшие оставили эту работу для подростков. Один из них не выдержал и отпустил свою ношу. И вот, чтобы не разбить оборудование и не попасть под суд за порчу имущества, семнадцатилетний парень, мой будущий муж, мой любимый, взял эту тяжесть на себя и… сломал позвоночник. Правда, узнал он об этом уже в 1973 году. Об этом времени Валя рассказывал мне несколько больше. И как после того, как несколько человек увезли в больницу с дистрофией, добавили специальное питание (крошечное суфле из непонятно чего), и как на заводе жили маленькие беспризорники, не помнящие своих имен. Звали их чертенятами из-за того, что они были закопченные, и как их отмывали и отправили в детдом. И как ходили смотреть на взорвавшуюся в начале Ленинского проспекта лабораторию, развороти вшую полдома. А толстенный полковник приказал разгонять толпу, Вале

он сразу показался неприятным из-за отношения к людям, как к посадочному материалу.

Неоднократно ему предлагали вступить в партию, давали рекомендацию. Он отказывался, говорил, что еще не готов. Опять Господь его уберег! А что он мог сказать при приеме о родном дяде, которого репрессировали? Отречься?! Вот и получилось, что в партию Валентин Фалин вступил только после смерти Сталина.

Впрочем, это уже не моя сфера. Надеюсь, муж поведает об этом сам.

Я родилась 20 августа 1955 года в Москве. Волею обстоятельств семнадцать лет прожила в Ленинграде, но каждый год несколько месяцев проводила у дедушки в Измайлове.

Измайлово, словно земля обетованная, манило старого и молодого. В радушно открытые родительские пенаты летом слетались дети и внуки, другие многочисленные родичи и друзья. Построенный в 1929 году тремя братьями дом постепенно разрастался вместе с ростом семьи. Он видел разные времена.

Моя прабабушка Алида-Фредерика Карловна Поль приехала в Россию из Риги, вышла замуж и была счастлива в браке. В Первую, а затем и Вторую мировую войны немецкое происхождение таило угрозу самой жизни. Однажды приехавшие из Германии родственники спасались бегством от распаленной национализмом толпы. Одно из следствий

этого – детей учили разным наукам и предметам, кроме… немецкого языка. Бабушка еще говорила по-немецки, мама – уже нет.

Смутное время и отчасти склад характера были причиной того, что материальные ценности быстро таяли. Когда наступала нужда, вещи продавались за бесценок, о чем, однако, не принято было жалеть. Мама еще припоминает красивую массивную мебель, тяжелые портьеры, старинное серебро и хрусталь. Когда я начала осознавать себя, ничего приметного в доме практически не осталось.

Порой доходило до абсурда. Одна дочь пропалывала в саду грядки, надев старинное кольцо. Соскочив с пальца, оно так и осталось где-то в земле (жаль, что не проросло другими драгоценностями). Другая дочь играла с выпавшим из оправы бриллиантом и потеряла ценный камень. Родителям же в это время досаждали заботы о том, как свести концы с концами.

В 1930 году дедушку обвинили в «шпионаже в пользу Соединенных Штатов». Два месяца он находился под следствием. Имущество описали, часть вывезли (безвозвратно). Потрогав шаль, в которую куталась бабушка, ожидавшая своего первенца, следователь милостиво соблаговолил ее оставить. Ребенок (моя мама) родился слабым и всю жизнь болеет.

Лавина арестов, прокатившаяся в 1937 году, грозила разметать весь дом, где свил гнездо «американский шпион». Мне доводилось видеть документальные кадры: люди при-

ветствуют Сталина. Вполне нормальные, с виду мирные граждане. А из уст вырываются страшные слова: «Смерть врагам народа».

Хороший знакомый, назначенный руководителем строительства консервного комбината на острове Муйнак в Аральском море, пригласил дедушку приехать к нему в качестве главного инженера. Забытое Богом место, где традиционно томились политические ссыльные вперемежку с уголовниками. Но тогда подальше от Москвы – спокойнее. На Муйнаке семья прожила все предвоенное время.

Что это был за остров? Пески, барханы, жара за 40 градусов (младшая дочь в слезах жаловалась: «Песок кусается!»). Местные жители, каракалпаки, чтя традиции восточного гостеприимства, приносили сладчайшие, как мед, арбузы, в больших мисках черную икру (ее ели ложками).

Сейчас из-за неразумной деятельности человека море отступило на много километров. Кругом – больная, потрескавшаяся, засоленная земля. Рыбоконсервный завод, чуть поддерживавший свою жизнедеятельность за счет привозного сырья, недавно прекратил существование.

Бабушка возвращалась в Москву с тремя детьми без мужа, который должен был завершить служебные дела. При подъезде к столице настигла страшная весть: война. Вскоре дедушка прислал телеграмму: «Призван в ряды Красной армии».

И снова случай (а может, Господь Бог?) спас ему жизнь.

Дедушка тяжело заболел, оказался в госпитале. Воинская часть, к которой он был приписан, попала на фронте в окружение. В живых не осталось никого.

Из госпиталя дедушку отправили в «иранский поход». Ввиду «секретности» операции семье ничего не сообщалось. Потянулись тревожные месяцы ожидания. Всезнающие соседки уже нашептывали бабушке, что муж бросил ее с малолетними детьми.

Однажды одиннадцатилетняя дочь (моя мама) проснулась от ее горького плача. Измученная наветами молодая женщина не выдержала:

– Ирочка, как ты думаешь, папа вернется к нам?

Зароненное сомнение трудно изгнать. И вдруг сын, которому нет и пяти лет, заявляет:

– Сегодня вернется папа.

Нет никаких видимых поводов так думать. Малыш вообще едва ли помнит отца. Но с уверенностью, присущей только детям, он повторяет:

– Я знаю, сегодня приедет папа.

А дальше почти из области мистики – отец приехал, приехал именно в тот день! Младшая дочь не узнала его:

– Какой-то дядя едет на лошади.

Дедушка вернулся, и они прожили дружную, жаль, что короткую совместную жизнь. Судьба забрасывала их в разные города, в России и за ее пределами, пока наконец семья не нашла пристанище в своем Измайлове.

Я пошла в первый класс

Большой измайловский сад всех одаривал летом цветами. Цветов было множество, самых разных. Они сменяли друг друга по срокам цветения. Так что с весны и до поздней осени нежные или яркие краски неистощимой на фантазию природы радовали глаз.

Изредка в саду устраивались чаепития. В честь особого гостя или в дни рождения. На дорожках чинно в ряд стояли столы, на столах – пироги.

Стряпанье начиналось с утра, и по саду разносился аппетитный дух печеного теста. Мои старые тетушки были особые мастерицы в кулинарии. Жизнь и небогатые прилавки магазинов научили их этому искусству. У каждой был свой особый, только ей известный рецепт.

Завершали эту картину огромный медный самовар и разноцветные, разновеликие веселые чашки. Какие это были вечера! До сорока человек собиралось в иное время!

Сейчас дома нет. Он был снесен в 1976 году по плану подготовки города к Олимпийским играм. На месте сада вырос лес. И уже ничто не напоминает о прежнем счастье.

Я была очень любима. Родителями, бабушкой и дедушкой, многочисленными тетушками.

Вероятно, еще и потому, что родилась первой в четвертом поколении. Одни занимались со мной музыкой, другие дарили книги. Первые ягоды, появлявшиеся на рынке, первые

цветы в Измайлове – мои.

У папы я – поздний ребенок. Ему было тридцать пять лет, когда я появилась на свет. Маме иногда приходилось сдерживать его порывы родительской нежности. Когда я болела, что случалось нередко, он возвращался с работы с игрушками или лакомствами, стремясь скрасить строгость постельного режима.

Как-то мне очень захотелось большую куклу. До закрытия магазина, который находился далеко от дома, оставалось полчаса. Откликаясь на настроение ребенка, отец взял такси, и мы успели в последнюю минуту сделать желанную покупку!

Говорят, что балованные дети становятся эгоистами. Очевидно, родители умели находить такие слова, что я не злоупотребляла их любовью. Если в ответ на вопрос, дорого ли стоит предмет моего вожделения, мама говорила: «Дорого, Ниночка», я, вздыхая, отходила подальше от искушения.

В целом я росла обычным ребенком. Как все дети, мечтающие скорее повзрослеть, торопила время. Еще одна причина заставляла спешить. В 1980 году, когда мне должно было исполниться двадцать пять лет, Н. Хрущев обещал построить коммунизм. Так не терпелось посмотреть на него!

Из своего детства я вынесла во взрослую жизнь потребность любить и заботиться о других, уверенность во взаимности этого чувства.

Не могу сказать, что я не наблюдала ссор. В старой ле-

нинградской квартире, где ютилось несколько совершенно несхожих людей и поколений, их было предостаточно. Но все это относилось не к нашей семье, воспринималось как неправдоподобное и противоестественное. Долгое время я считала, что других несчастий, кроме болезни и смерти близких, не бывает.

Такое несчастье постигло нас с мамой за три дня до моего семнадцатилетия: умер мой отец. Мама, совсем молодая, замуж так и не вышла. Лучше мужа не будет, считала она, а худший не нужен.

Мой отец, так же как и отец Валентина, своими знаниями был целиком и полностью обязан самому себе, своей настойчивости и целеустремленности. Его родители расстались, когда ребенку было два года. Взбалмошная и своенравная мать не захотела, чтобы сын виделся с отцом. Их встреча, в сущности единственная, произошла только через двадцать лет. А вскоре началась война, и больше о другом моем дедушке ничего не известно.

Получив экономическое образование, папа работал в Ленинградском университете. Он писал диссертацию и был близок к ее завершению. Но тут родилась я, такая долгожданная. Когда научный руководитель спросил, как обстоят дела, папа ответил:

– Отлично, моей диссертации уже пять месяцев.

Я очень уважала своего отца. За мужество, несгибаемую волю, честность. За то, что, не найдя в себе убежденности

стать коммунистом, он фактически пожертвовал научной карьерой, не получив продвижения по службе. Моим большим желанием было, чтобы будущий муж походил на моего отца.

Как несправедливо, что его жизнь оборвалась в пятьдесят два года! Мама в течение двух лет самоотверженно ухаживала за неизлечимо больным. Обе мы тщательно скрывали от него правду, чтобы не убивать надежду. Не знаю, на что. На чудо, наверное. Папа, зная о скором своем конце, несмотря на то что наша медицина не сообщала рокового диагноза обреченным, в свою очередь подбадривал нас, прятал, пока мог, жестокие страдания.

Лишившись мужа, мама целиком посвятила себя дочери. А дочь вступала в юность. По окончании школы не сразу пошла в институт. Все те же материальные проблемы довлели над нами, и, чтобы быстро поправить семейный бюджет, я решила выучиться стенографии и машинописи на курсах при Министерстве иностранных дел. Через два года учебы выпускниц обычно ждала приличная работа в солидных организациях в Москве или за рубежом.

События повернулись так, что за границу я не уехала. Новая жизнь оказалась совсем не такой приветливой. Череда разочарований преследовала меня. Однако я верила в свой идеал и не хотела сдаваться.

Знаменательный разговор состоялся у меня летом 1979 года с маминой сестрой. Мы гуляли вдоль берега реки. Солнце, зелень, чудесная погода. В противоположность радостно-

му настроению природы я, расстроенная, не могущая найти точку опоры, привести в гармонию свои чувства. Долгое, сбивчивое объяснение на вопрос «что же ты хочешь от жизни?». Поразила последовавшая за ним реплика моей тетушки:

– Тогда тебе нужен такой муж, как Фалин. Но ведь второго такого нет.

Да, второго такого нет. Я повторяю это через тринадцать лет. Перед Богом и людьми.

Наша встреча только на первый взгляд казалась случайной. Если браки совершаются действительно на небесах, то она была предопределена. Он – тонкая и одновременно сложная натура. Часто его можно понять, только встав с ним рядом, переняв его мужество и расставшись с суетным. Это трудно, на это надо было решиться. Весь предшествовавший ход моей жизни подготовил меня к такому решению.

Визит Л.И. Брежнева в ФРГ. 1973 г.

В 1978 году я работала в только что образованном отделе международной информации ЦК, еще даже не полностью укомплектованном. Ждали прихода Фалина, я – особенно, ведь он должен был стать моим непосредственным начальником. Говорили, что он очень работоспособный и требовательный к себе и другим, что интеллигент, что возвращается из Бонна, где был послом. Словом, пересудов хоть отбавляй, интерес велик.

В тот памятный день, подменяя свою коллегу, я дежурила в приемной заведующего отделом Л. Замятина. Он держал себя необыкновенно важно, его боялись. Молоденькие

сотрудницы, которым приходилось работать с ним в отсутствие его секретарши, совершали порой смешные оплошности – он не смеялся. Так, Л. Замятин позвонил из кабинета в свою приемную по домофону. Коротко сказал:

– Соедините меня с Зориным.

Новенькая не узнала голос заведующего и, запутавшись в многочисленных телефонах, решила, что кто-то ошибся номером:

– Вы куда звоните?

– К себе в приемную. – И бросил трубку.

Ничем не отличаясь от других, я с нетерпением ждала, когда кончится мое испытание.

Неожиданно открывается дверь, появляется, заполняя собой едва ли не всю высоту дверного проема, мужчина. Высокий, стройный, пожалуй, несколько худой. Длинные темные волосы, темный костюм, чуть-чуть слишком темный, и необыкновенные голубые глаза. Не могу определить, сколько ему лет, но глаза смотрят молодо, приветливо.

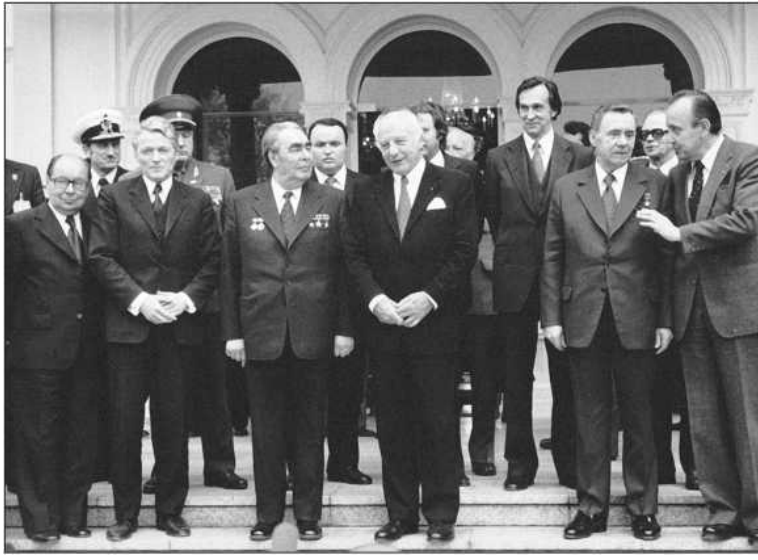
– Добрый день. Замятин у себя?

– Да.

Я встаю навстречу, чтобы узнать его имя и, как принято, доложить начальнику о визите. Но он не ждет. Уверенными шагами проходит в кабинет, чем приводит меня в замешательство: по внешнему виду не может быть начальник. Не похож на всех напыщенных, исполненных собственной значительности ответственных (слишком ответствен-

ных) работников. Но и не подчиненный. Те обычно волнуются, ждут, когда о них доложит секретарь, краснеют или бледнеют (в зависимости от особенностей кожи и характера). Кто же? Так и не узнала.

А Валентин также запомнил меня и эту мимолетную встречу. Мне он поведал потом, что увидел глаза «как на фресках Дионисия», маме – проще: когда увидел мои глаза, сказал себе: «Валентин, бери ноги в руки и беги отсюда».



Визит Л.И. Брежнева в Бонн. 1978 г.

Наше знакомство состоялось спустя два месяца, когда

Валентин Фалин, сложив обязанности в Бонне, вернулся в Москву. Так вот, оказывается, кто это был! Пожал мне руку, сказал:

– Постараемся работать дружно.

Действительно, дружно. Хотя работы было много и очень интенсивной, она не казалась обременительной. Ни одного грубого или жесткого слова, всегда корректный, предельно сдержанный. С ним было и легко, и трудно. Легко потому, что не нужно было бороться с резкостью, которую я не выносила с детства. Трудно потому, что он не высказывал своих пожеланий, своего отношения к тому или иному моему поступку. Сухарь!

Так продолжалось не месяц и не два. Разговоры только деловые. Ни одной попытки узнать о моей личной жизни (может быть, он уже все знает?), поговорить на отвлеченные темы. Исключение составляло ставшее почти традиционным прощание. Заканчивался рабочий день, я входила к Фалину в кабинет и каждый раз спрашивала:

– Я вам больше не нужна?

Никогда не варьировала вопрос, чтобы услышать в ответ:

– Вы мне всегда нужны, но сейчас можете быть свободны.

Случайно я узнала, что он серьезно интересуется искусством и коллекционирует «антиквариат». Что это такое, я не могла себе представить. Моей семье, жившей материально очень скромно, да к тому же выбрасывавшей все «ненужные вещи», в том числе сломанную мебель, серебряные руч-

ки от старинных стесавшихся ножей, перламутровые раковины, потерявшие бронзовые оправы, это было непонятно.

Также стороной мне стало известно, что в отдел приходит машинистка, работавшая с ним в боннском посольстве. Наиболее злорадные из женщин не прочь мне внушить, что скоро я буду переведена на другое место. Мое самолюбие задето. Я еще больше отдаляюсь от начальника, про себя решив: если так случится – немедленно ухожу из аппарата ЦК.

Фалин чувствует, что что-то произошло. Но то ли не догадывается о причине, то ли из-за всегдашней привычки к сдержанности (или просто хочет меня помучить?) ситуацию не проясняет.

Приходит Наташа. Милая, молодая женщина. Некоторое время мы обе чувствуем сковывающую неопределенность. Все, однако, остается на своих местах. Сюжет для инцидента исчерпан.

Примерно через полгода лед стал таять. Может быть, столько времени ему понадобилось, чтобы составить свое представление обо мне, проникнуться доверием? Медленно расширяется круг разговоров.

Как-то я рассказываю ему занятную историю о посещении мужем и мною Ленинграда. Внезапно замечаю перемену в его лице. Он не только не улыбается, он помрачнел, пристально смотрит на меня. Довольно неловкая ситуация. Ничего не остается, как поскорее закончить деловую часть разговора и уйти.

Позже выяснилось, что для него, оказывается, было открытием мое замужество. Он не смотрел, как это обычно принято в высоких учреждениях, мое досье.

Летом 1979 года дальнейшая жизнь с мужем не представлялась мне возможной, я подаю на развод. Фактически это может означать и одновременный уход из ЦК. Личная жизнь у сотрудников должна быть безукоризненной. Мама советует поговорить с начальником, чтобы выяснить служебные перспективы. Мне очень не хочется рассказывать о своих неудачах, но я готова последовать маминой рекомендации, если представится удобный момент. Он наступает быстро.

Наблюдательный Фалин замечает перемену в моем настроении. Деликатно, как это умеет делать только он, интересуется, что тому причиной. Поскольку разговор затягивается, приглашает к себе в кабинет. С того дня я постоянно чувствую его внимание и ненавязчивое стремление подбодрить меня. Холодность исчезла из наших отношений, и, хотя внешне все продолжалось как прежде, втайне друг от друга и в чем-то каждый от самого себя мы обнаруживали привязанность. Я уже с удовольствием бежала на работу, искренне грустила в его отсутствие. А когда после моего развода новые молодые люди хотели было попытать счастья, они не выдерживали сравнения с Фалиным, они были мне неинтересны.

В начале декабря 1979 года – неожиданное предложение: формируется большая делегация, не хотите ли поехать в ко-

мандировку в Болгарию? Оно настолько застало меня врасплох, что я имела глупость спросить, в качестве кого. Много времени спустя Валентин сказал мне, что он едва удержался от ответа: например, в качестве моей жены. Пророческая мысль: следующая наша совместная поездка за границу, состоявшаяся, правда, через годы, была именно такой.

Мы с мамой очень волновались. За несколько дней мне сшили темно-синий костюм, так как купить это в магазине непросто. Недорогой материал, но сидит складно. Еще пара блузок – и вполне приличный вид. Значительно позже Валентин говорил мне, как клял себя за то, что не вдруг разглядел за элегантностью попытку скрыть бедность и не позаботился об обновлении моего гардероба.

Мама – мой настоящий друг, спасительный островок, к которому прибивало меня бурное течение жизни. Она учила меня выдержанности, мягкости, терпеливости. В двадцать четыре года требуется все или ничего – мама удерживала меня от скоропалительных решений. Мы никогда не расставались с ней надолго. Сейчас же, когда я пишу эти строки, мама далеко. Она осталась в Москве, а я, чтобы спасти здоровье, а может быть, и жизнь мужа, на которого в родной стране обрушились потоки лжи, вынуждена уехать за рубеж. И это не может примирить меня со случившимся.

Утренний самолет унес меня в Софию. В делегации я – единственная женщина, мне все внимание. Это немного кружит голову, создает настроение легкой эйфории, которое,

правда, помогает преодолеть скованность. За обедом я сижу во главе стола, по правую руку от меня – мой будущий избранник, мой Валентин, тогда еще Валентин Михайлович.

Ему хочется произвести на меня впечатление. Я это чувствую, женскую интуицию не обманешь. Я сама охвачена тем же чувством. Боковым зрением всегда вижу его. Поворот головы, улыбка, взмах ресниц – словом, все маленькие хитрости, так хорошо знакомые каждой женщине, предназначены ему.

Где бы мы ни были: за столом, в машине, экскурсионном автобусе, на приеме, – он везде оказывается рядом со мной, добровольно возложив на себя обязанности опекуна, осторожно ограждая меня от неприятных случайностей. Вечером, провожая до моего номера, предупреждает: закройтесь на ключ. Мне это кажется смешным, у меня своя голова на плечах. Но его волнения не напрасны: по вечерам какой-то аноним звонил по телефону, а однажды я ясно слышала, как пытались открыть дверь. Может быть, это ночные страхи? А недавно Валя сознался, что его тоже проверяли.

Думаю, я все же понимала, что покровительство Валентина меня не только спасает от покушения, но и компрометирует. Но мне было все равно. Сиреневый туман кружил голову, я понимала, нет, чувствовала, что вспять уже не повернуть, и ждала. А Валентин уберег меня тогда, и как он был прав! Долгая и счастливая любовь не должна начинаться с банальной командировки. Тривиальности в наших отноше-

ниях нет и сейчас.

Несколько дней пролетают быстро – и вот прощальный прием. После торжественного ужина – маленький концерт и бал. Важный болгарский чиновник приглашает меня на танец. Фалин танцует с другой женщиной. На некоторое время мы разлучаемся – Валентин и Нина. Однако оба потихоньку не без ревности поглядываем друг на друга.

Бал в разгаре, ярко горят хрустальные люстры, блестят мраморные полы, на лицах – возбужденные улыбки. Наконец он приглашает меня на танец. Я кладу руку на его плечо, поднимаю ему навстречу голову (ведь он намного выше меня), вижу его лицо в сиянии света. Он улыбается мне одной. Мы все понимаем, не сказав ни слова. Больше ничего и никого не существует.

Как во сне вернулась я домой. Валентин проводил меня до двери. По дороге в машине взял в свою большую красивую, с длинными пальцами руку мою маленькую ладонь. С того самого вечера мы ездим в машине рука в руке. И это прекрасно.

Взглянув на меня, мама все поняла. Потом она призналась, что у нее тоскливо сжалось сердце. Конечно, блестящая партия, но едва ли осуществимая. А другой судьбы она дочери не желала.

Валентина же по возвращении ожидали новые семейные неприятности. Работа не давала удовлетворения. Жить все больше становилось в тягость.

Утром он пригласил меня к себе в кабинет. Взяв, как обычно, блокнот, я вошла к нему. Несколько слов о поездке и вдруг, как бы невзначай, вопрос:

– Нина, что бы вы делали, если бы меня не стало?

Я не понимаю, еще не проснулась от болгарского сна, мысли путаются, наконец складываются в одну, страшную: он болен, я его потеряю. Глаза застилает туман. Валентин продолжает что-то говорить, я не очень хорошо слышу, наклоняю голову, пытаясь скрыть слезы, но их уже не скроешь.

– Нина, что с вами? Вы меня любите?

Более необычное признание в любви мне не знакомо.

Так он остался жить! Но я этого еще не знала.

Когда впоследствии кто-либо, включая и бывшую жену, пытался сказать обо мне нечто нелицеприятное, Валентин неизменно круто обрывал:

– Эту женщину не трогать! Ей я обязан жизнью!

Почему он расстался с первой женой? Кто захочет бросить в него камень, пусть подумает вот о чем.

В 1971 году она тяжело заболела, была на краю гибели. Переговоры вокруг Берлина шли тем временем полным ходом. Никто не мог заменить Фалина ни там, ни здесь.

Здесь потому, что обязанностью мужа было сделать все от него зависящее для спасения жены. После неудачной операции с тяжелыми последствиями безотлагательно требовались все новые и новые лекарства, доставку которых Валентин организовал со всего света. Бесконечные консилиумы

проводились с обязательным его участием: он знал особенности организма больной. К его рекомендациям прислушивались.

Там потому, что неизвестно еще, кому по плечу была такая ноша: требовалось идти впереди времени и, несмотря на пропаганду, которая во всех странах пользовалась и пользуется одними приемами, представить себе, каким должно быть лучшее будущее.

Итак, он стоял перед выбором и нашел свой выход. Утром летел в Берлин, проводил там деловые встречи, вечером возвращался в Москву, в больницу, к жене. Через день-другой все повторялось сначала. Москва – Берлин, Берлин – Москва. Так в течение полутора месяцев. Бортпроводницы уже знали его, приветствовали как старого знакомого. В больнице также привыкли к его присутствию. А когда выписывали жену, врачи больше опасались за здоровье мужа.

И после этого услышать:

– Вы все хотели моей смерти.

– И я?

– И ты.

Подобные дикие сцены в различных вариациях повторялись с тупым упорством и незавидной регулярностью. Разрыв становился неминуем.

Но я отвлеклась. Вскоре после столь оригинального объяснения Валентин принес мне пластинку – подарок ему от Вана Клиберна:

– Если хочешь меня понять, послушай это.

Едва дождавшись окончания рабочего дня, побежала домой. Вечером, закрывшись в комнате, в сумерках слушала музыку Бетховена. Слушала не ушами – сердцем. Плакала. Смотрела на икону Владимирской Божьей Матери, которой нас благословил Валин знакомый, Михаил Михайлович Успенский, племянник писателей Глеба и Николая Успенских. Впервые молилась за Валентина. Как умела. Самые разные оттенки переживаний откликались в моем сердце. Здесь он радуется, а тут тревога. Что его тревожит? А вот – глубокая, философская печаль. Да такая, что тоска сжимает грудь… Но что это? Робкие, нерешительные всплески торжества? Да, конечно, он торжествует! Ликующая музыка нарастает лавинообразно, рвется из динамиков в мир! Что это могло значить? А это была наша встреча.

Так, еще не зная примечательной истории этого человека, я приоткрыла в нее дверь. Спасибо Бетховену. Старую, порядком заигранную пластинку мы бережем как дорогую реликвию. И мне до сих пор кажется, что лучше Клиберна никто не исполняет этот концерт.

Светлый и одновременно драматический период начался в нашей жизни с наступлением 1980 года. Вернувшись однажды из краткой командировки, Валентин не застал меня на работе: я простудилась. Позвонил по телефону, спросил, можно ли меня навестить.

Что тут началось! Наша маленькая квартирка всегда содержалась в порядке. Но ведь такого гостя она еще не видела! Мы с мамой суетливо вытирали и без того чистую мебель, своим волнением заразили даже всегда спокойного, мудрого дедушку. Да еще надо было скрыть следы насморка.

К моменту, когда пришел Валентин, все было готово: горячий чайник посапывает на плите, стол сервирован остатками старинной английской посуды, чуть дымится еще теплый пирог. Мы, наконец успокоившиеся, идем открывать дверь.

За чаем Валентин молча протягивает мне маленькую коробочку. Он не знает, как я отнесусь к его подарку, – я просила его не привносить в наши отношения ничего материального. Спустя годы я лучше понимаю это вечное желание любящего мужчины – осыпать свою любимую подарками (не важно, золото это, или простой металл, или цветы). Со смешанными чувствами я открываю коробочку, глаза загораются, кровь приливает к щекам – маленькие золотые серьги блестят на белом бархате. Нет слов. Молча показываю сережки маме, она укоризненно качает головой:

– Валентин Михайлович, очень вас прошу, не балуйте мою дочь.

Полтора года спустя, на работе, я сняла эти серьги, чтобы промыть их специальным составом, который принесла моя коллега. Наливаю его в стакан, разбавляю водой, опускаю туда сережки. Мое внимание кто-то отвлекает, я ставлю стакан на стол. И надо же такому случиться: другая сотрудница, ре-

шив, что это ее стакан, выливает из него воду в раковину, а вместе с ней – подарок Валентина. Я успеваю схватить одну серьгу, другая уплывает от меня.

В отчаянии звоню мужу:

– Случилось несчастье!

Узнав, в чем дело, он облегченно смеется.

Потребовалось время, чтобы я поняла: нельзя его так пугать. Моя коллега, более сообразительная в такой момент, вызывает слесаря. Он готов помочь, но:

– Сколько заплатите?

– Сколько хотите!

Держа в руке мое сокровище, безжалостно произносит:

– Десять рублей (по тем временам существенно).

Под возмущенные взгляды и знаки подруги я совершаю обмен.

После этого визита Валентин пришел к нам снова, потом еще – и закрутилось-завертелось. Мама и дедушка вели себя с предельной деликатностью. Нередко мама помогала мне приготовить ужин на двоих, сама же уходила к сестре, что жила по соседству, предварительно накормив дедушку. А дедушка, обычно такой хлебосольный, отказался от приглашения своих гостей.

Гостеприимство было у него в крови. В пору, когда все были живы, в его доме за обеденным столом почти каждодневно собиралась большая семья: он с женой, четверо детей и обязательно еще один-два человека. А ведь в доме не бы-

ло не только горячей воды, но долгое время плиту заменяла керосинка!

Мама с уважением и любовью вспоминает, как моя трудолюбивая бабушка, в детстве и юности не ведавшая особых забот, бесконечно готовила, стирала, гладила, штопала, а перед сном, далеко за полночь, обязательно читала. К сожалению, бабушка ушла из жизни в пятьдесят четыре года. Я помню скорее ее образ, чем конкретное живое лицо, но это одно из лучших воспоминаний моего детства.

Вернемся, однако, в зиму 1980 года. Судьбе было угодно, чтобы каждый из нас, измерив своей мерой, разумеется, ее строптивость, понял, что жизнь без другого невозможна. Радостным было открытие схожести привязанностей, симпатий, взглядов.

– Кого из композиторов ты больше любишь?

– Бетховена, а ты?

– Моцарта и Бетховена. А что у Бетховена?

– Трудно сказать, быть может, «Эгмонта».

– Возможно, а еще Девятую симфонию. А кто твой любимый художник?

– Леонардо да Винчи.

– А мне больше говорит Микеланджело.

Тут я должна возблагодарить родителей: они привили мне тягу к искусству. Особенно много занимался со мной отец. Он дарил мне пластинки с записью классических опер, водил в музеи, рассказывал о художниках, а когда я подросла,

читал вслух «Илиаду» и «Одиссею».

Первым ярким впечатлением такого рода было посещение Ленинградского Эрмитажа. Похоже, я была еще слишком мала, потому что из огромного дворца, заполненного шедеврами, хорошо запомнила только мраморный Павильонный зал. Кто бывал в Эрмитаже, наверное, согласится со мной – это одно из лучших творений архитектора Штакеншнайдера.

Хрустальные барочные люстры, бахчисарайские фонтаны, изящные с золочеными капителями белые колонны, поддерживающие галерею, на которую ведет маленькая мраморная лестница в стене. Эта лестница сводила меня с ума. Вход туда для посетителей был запрещен. Я подолгу смотрела на ступеньки, ведущие вверх, представляя, «какая счастливая была царица, что могла по ним подняться».

Когда мы после свадьбы отправились в Ленинград, мой муж одарил меня этим счастьем. Его добрым знакомым был тогдашний директор Эрмитажа Б.Б. Пиотровский, который несколько раз, к неудовольствию генеральных секретарей, предлагал сделать Фалина своим преемником. Мы наносили визит Борису Борисовичу, как правило, в понедельник, когда дворец для посещения закрыт и директору проще было распорядиться своим временем.

Зная о моей детской мечте, муж провел меня в Павильонный зал. Попросил разрешения подняться по заветной лестнице. Вступаю на нее с мыслью, что этим чудом я обязана своему Валентину. Никто другой не мог бы сделать этого для

меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.